

Андрей Сергеевич, как вы с расстояния лет оцениваете свой отъезд на Запад?

— Это было связано с возрастом. Мне исполнилось сорок три, и я чувствовал, что никогда ничего не увижу, если буду продолжать так жить. Я это называю "синдром Че Гевары". Когда у мужчины реднеют волосы, а в зеркале так и видится рядом некая особа, стоящая с косой, он начинает понимать, что не вечен. Впереди ничего уже нет — есть только сейчас. И тогда политики начинают делать мировые революции, как Ленин, Мао Цзэдун, Че Гевара. Но я не революционер и не политик. Меня интересовала только собственная судьба, и я поступил согласно потреб-

ности. Уехал не потому, что здесь был несчастлив. Просто хотелось увидеть мир. Конечно, у каждого — свое понятие свободы. Но для человека существуют две принципиальные свободы, мне кажется. Это свобода продавать свой труд по цене, которую он сам назначает (что вовсе не означает гарантии покушки), и свобода передвижения по планете. И, обладая ими, вполне можно быть счастливым. Вот поэтому патриотизм для меня начинается со свободы уехать.

— В августе девяносто первого вы уехали из России, потому что, по собственному признанию, болялись. Сейчас вы снова здесь, хотя спокойнее не стало. Обвыклись?

— Тогда было страшно, потому что у меня только что родилась дочка. И потом, в Америке снималась картина "Ближний круг", которую я должен был заканчивать. Если бы меня здесь задержали, не смог бы ее завершить. А сейчас я готовлю картину в России.

— Для России или для мира?

— Для себя. А кому понравится, не знаю. Это будет "Ася и курочка Ряба". У меня в свое время "Ася-хромоножка" так и не получилась. Я хотел документально снять лубок. В результате документальность осталась, а лубок я выбросил. Не потому, что этого потребовали, — вырезал сам, потому что не получилось. Снова попытаюсь сделать такое кино сейчас, только Асю будет играть другая актриса — Инна Чурикова. Вообще, я делаю картины, какие могу, хотя иногда, конечно, думаешь об адресе. Но, как известно, ничто не есть таким, каким кажется. Понятие красоты для эскимоса или, там, для техасца — разное. Техасцу нравятся длинноногие блондинки с большим бюстом, а эскимосу — маленькие, достаточно кривоногие и очаровательно раскосые эскимоски. И каждый считает свою самой красивой.

— То же можно сказать и о кино. Когда снимали в Америке коммерческие фильмы, наступали "на горло собственной песне"?

— Конечно, что-то ломать в себе приходилось. Но главное, американцев надо было понять. Мы же их не знаем и не понимаем так же, как они не понимают нас. Поэтому и прогнозы их разведывательного управления не сбываются. Они утверждали, что перестройка на грани краха, что в России через два года будут восстания, голод. Какое там! Не Сомали же — богатейшая земля, кинь картошку — она прорастет. И восстаний, слава Богу, национальных пока нет, хотя в Америке или в Европе они бы были. У них другая ментальность, которую

надо было постичь. Ну и понять, какое кино нужно тебе и в то же время нужно там. А это очень трудно. Помог опыт: я к тому времени уже двадцать пять лет работал в кино. И повезло в определенной степени — у меня было несколько сюжетов, которые привез из Москвы, над которыми работал в Париже, Куросава дал свой сценарий...

— Если сравнить фильмы, снятые вами в России,

Андрей МИХАЛКОВ-КОНЧАЛОВСКИЙ обмолвился как-то, что он — гражданин мира, временно проживающий в Америке. Но сейчас он снова в России, чтобы жить и снимать кино. И к "шпилькам" в адрес своего семейного клана относится философски: считает, что

не понял, что это такое. Было абсолютное опущение нравов, я никогда раньше не воспринимал музыку так остро. Но вообще, я не очень хорошо помню детство. Хотя сейчас оцениваю какие-то вещи и думаю: Боже мой, как мне повезло, в каком мире я жил! Я видел Алексея Толстого, Прокофьева, слушал Рихтера, когда он был мальчиком. На нашей кухне — кухне лауреата Сталинской премии! — сидели фрейлина недобитая, папина тетка, и какой-то помещик бывший, дворянин недорезанный, который был дедушкиным соседом и с ним на охоту ходил. Крученых бегал с портфелем туда и обратно, потому что таскал папины бумаги: папа ему помогал, когда был секре-

тарем писательского союза. Еще, помню, домашние рассказывали, как в мастерской моего деда Хлебников спал, завернувшись в скатерть...

Только сейчас я начал понимать, насколько уникально было в этом смысле мое детство. Потому что тогда-то я был нормальный советский пионер и думал, что нужно вступить в партию, чтобы сделать карьеру. А когда недавно друзья напомнили мне это, я не мог поверить: неужели это был я? А потом случилась десталинизация, мы с Мишей Козаковым ходили по улицам Москвы, и он шепотом мне рассказывал хрущевское выступление... В общем, богатая биография в смысле воспоминаний. Хочу снять картину об этом. Не

есть определенная форма надменности. Еще Герцен заметил, что никому бы в Европе не пришло в голову высечь Лессинга или, там, сослать куда-нибудь Спинозу. А у нас бы обязательно сделали и то и другое. И не потому, что мы такие дикари. Просто мы относимся к реальности эмоционально, а не рационально. Этим, собственно, и объясняется происходящее в России. Разрушение и уничтожение ненавистного нам важнее, чем построение любимого. Когда Блок писал о том, как он ненавидит буржуа, который живет над ним и ходит, потряхивая животом с золотой цепочкой, он ненавидел до такой степени, что стал революционером. Потом

РАБЫ ВСЕГДА ТАНЦУЮТ НА МОГИЛАХ ХОЗЯЕВ

с теми, которые появились уже в Америке, возникает ощущение, что их делали два разных человека...

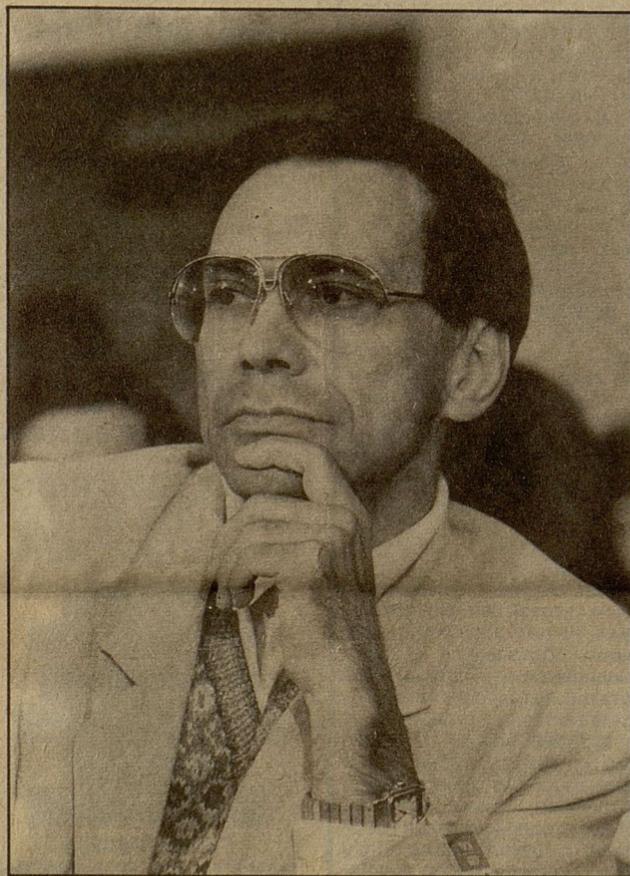
— Ошибаетесь. "Поезд беглецов", например, продолжение "Первого учителя", а "Гомер и Эдди" — картина, которая для меня во многом продолжает "Сибиряду". В ней тоже действуют неудачники, лопухи, полусумасшедшие, в чем-то даже "платоновские" люди. Среди них могло и не быть негра, подобная компания алкашей могла попасться и на наших дорогах.

Самое же главное в другом. В американском кино герои в основном удачливы. А в моих американских картинах герои — неудачники, и если отбросить костюмы, грим, то это типично русские люди по характеру. Суть русской культуры в том, что она всегда сострадательно относится к неудачникам и терпеть не может победителей. Это определенная национальная черта, идущая от православия.

— Как на вас сказались причастность к семейному клану Михалковых — Кончаловских?

— Жаловаться грех, с семьей мне повезло очень. И конечно, впитанная с детства культура — материнская, семейная — в жизни помогает. Мне повезло, что учился музыке с пятнадцати лет, хоть музыкантом и не стал. Что запах красок был для меня частью бытия, хотя сам я — бездарный рисовальщик и вообще не испытываю восторга перед живописью. И наверное, если бы мне сказали: что ты хочешь, хорошую квартиру или Матисса? — выбрал бы квартиру. Но говорить на тему живописи могу свободно — и это немало.

Нам, Михалковым и Кончаловским, повезло в отношении культуры. Так сложилось, это — божественное провидение. Как семья падает с берега и попадает одно — в ручей, другое — на пригорок. Первое сгниет, второе прорастет. И дело даже не в том, помогали родители пробиваться в жизни или нет. Если говорить объективно, мне было легче учиться, чем Шукшину. Потому что везде дети чьих-то родителей все равно имеют преимущество: возмите те же Голливуд или Кембридж. И в этом смысле было бы неправдой сказать, что я сам все сделал в жизни. То, что я был сыном Михалкова и Кончаловской, конечно, служило позитивным фактором. Но и негативным тоже: стигма сына Михалкова во многом аффектировала моих противников. Никогда не забуду выступление Жени Евтушенко на съезде кинематографистов, когда он говорил: "У меня горят шрамы на спине от поротых моих предков. А в это время Михалков-Кончаловский снима-

ет фильм, идеализируя помещичье гнездо..." Вы думаете, он ругал мою картину? Нет, он ругал Михалкова Сергея Владимировича!

— В последнее время в адрес вашего отца отпущено много нелестных замечаний, сменивших былые хвалебные эпитеты. Как вы это восприняли?

— Знаете, рабы всегда танцуют на могилах хозяев. Еще Бердяев сказал, что чувство мести — чувство раба, чувство прощения — чувство господина. И также чувство ненависти — чувство раба, а чувство вины — чувство господина. Надо посмотреть, как не я, а Михалков воспринимает это. А он это делает смиренно. Потому что он во многом, конечно, аристократ. И способность быть при власти — тоже аристократическая способность. Отец в этом был искренен, нельзя сказать, что он лизоблюд или наущник, он сделал много добра. Конечно, лучше бы ему остаться просто поэтом, но выжил ли бы он тогда, не знаю. Кстати, Сталин выбрал его в фавориты по совершенно непонятной причине. Отцу было тогда двадцать четыре года, он написал две-три книжки тоненькие стихов, и вдруг — орден Ленина! Такая сталинская причуда кого угодно могла "сдвинуть".

— Самое яркое впечатление вашего детства?

— Открытие Скрабина. Думаю, мне было лет четырнадцать — пятнадцать, когда я услышал его музыку. Сначала

автобиографическую, а о шестидесятых годах, о том, как строилось сознание моего поколения.

— С братом Никитой вы дружны сейчас?

— Мы с ним братья — это очень много. Кто-то хорошо сказал, что порядочному консерватору гораздо легче договориться с порядочным либералом. Я считаю брата очень порядочным человеком. Но каждый имеет право на свои ошибки. И надо сделать их как можно больше, потому что жизнь коротка.

— Неужели и своих детей не хотите остеречь от ошибок?

— Это невозможно. У меня две маленькие дочки, Наташа и Лена, одной два с половиной года, другой семь месяцев. И я считаю, что каждая должна надеть свои ошибки. Родители должны постараться дать хорошее воспитание и образование, остальные дети все равно будут делать как хотят. И правильно. Вообще это эгоистическая вещь — делать детей: занимаемся этим для себя, а не для них. Дети — как стрелы, выпущенные из лука: выстрелил, а дальше сама летит. И ты можешь только как-то подправить траекторию.

— Ваша жена Ирина когда-то была диктором. Не собирается со временем вернуться к этой работе?

— Пока нет — очень занята с детьми. Но изучает сейчас компьютер, разные языки. Знание языка необходимо. Я вот готовлю свою, грубо говоря, инфраструктуру, допускаюсь в которую будут только те, кто владеет английским. А иначе человек оказывается не в состоянии общаться с миром.

— Иными словами, ваш дом — весь мир?

— Дом там, где тебя любят. Поэтому мой дом всегда был здесь. И он "закрытый": мы очень редко встречаемся с кем-то. Я люблю просто сидеть, читать книжки и смотреть кино по разным каналам телевидения. Друзей у меня всегда было мало. Конечно, можно вспомнить эпоху "Национала" и встречи с Тарковским, эпоху Дома кино. Но теперь это для меня окончилось. Я по природе своей одинокий человек, бываю на людях мне малоинтересно. А по профессии — учитель и врач, что очень близко к режиссуре. Поэтому охотно говорю сам о вещах, которые меня интересуют, но не очень охотно слушаю. Я же человек русский, а русские люди — нетерпимые.

— Какой вы нашли Россию, когда вернулись после долгого отсутствия?

— Сложный вопрос. Говоря о таких вещах, как "твой народ", человек всегда рискует что-либо недооценить или переоценить. В любой оценке

пришла революция — и он взмолился: хоть бы буржуа остался там, где был. Но, чтобы осознать это, буржуа понадобилось уничтожить!

И еще в нас отсутствует чувство исторической благодарности, что очень удивляет Запад. Может, потому, что нет ощущения исторической вины? Русским людям всегда было свойственно считать виноватым кого-нибудь другого. Не устану повторять чеховскую фразу о том, что, когда у нас что-то неладно, мы всегда найдем виноватых — то жиды гадят, то французы, то Вильгельм... Все это — миражи, призраки, но зато как они успокаивают наше самодовольство.

— Звучит мрачно. И с таким мироощущением вы вернулись в Россию, чтобы делать кино. Не кажется ли вам это занятие бессмысленным, по крайней мере на сегодняшний день?

— Очень русский вопрос! Вот конец света, катастрофа духовности. Но человеку всегда будет необходима игра, а искусство, в том числе и кино, — форма игры. Понятно, что наше кино еще не переболело обжиранием свободой, когда разрешено все — половой акт, чернуха, странность, непонятность. И давай, пацан! Сейчас очень мало снято таких картин, которые зритель хотел бы посмотреть. Но это как детская болезнь — пройдет.

Я же имею самоуверенность думать, что какой-нибудь вестерн еще сотня режиссеров в Америке снимет, как я, и даже лучше, а вот про Асю Клячину с курочкой Рябой никто из них не снимает лучше меня. Поэтому и предпочел вернуться сюда, чтобы делать то, что лучше меня никто не делает. Планов много. И есть куча необходимых дел, впрямую с кино не связанных. Я не бизнесмен, но меня интересуют структуры, где люди могли бы делать какие-то полезные дела, что-то производить, продавать. Я вот хочу галоши производить. Великая вещь! Надо одеть нацию в галоши: сохраним здоровье, обувь и жилище. Это не значит, что сам буду их изготавливать — этим займутся другие люди. Просто хочу ввернуть в жизнь хорошую идею. Вернуться в состояние человека, который делает свое дело, имеет вкус к нему, — вот что сейчас нужно.

— Похоже, вы человек без иллюзий?

— Что вы, человек без иллюзий — ноль. Просто с возрастом иллюзии меняются, вот и все. В молодости думаешь, что ты бессмертен, а сейчас — как бы прожить подольше. Как говорят китайцы: "Нужно умереть молодым, но постараться сделать это как можно позже".

Беседу вела Татьяна ИСКАНЦЕВА. Фото ИТАР-ТАСС.

Западная фирма приглашает на работу профессионального переводчика, специализирующегося на минеральной и нефтяной лексике.
 Просьба звонить по телефону 956-30-14 и направлять факсы по номеру 956-30-15.

Солидная организация продаст наличные доллары США за безналичные рубли по биржевому курсу + 10%.

(095) 111-31-57.

21. 10. 93

Михалков-Кончаловский Андрей